

**БОЛЬШИЕ ТАЙНЫ
МАЛЕНЬКИХ
ГОРЮДОВ**

**ТАТЬЯНА
СТЕПАНОВА**

Колесница
времени

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Издание осуществлено при содействии
«Литературного агентства Ольги Рубис»

Степанова, Татьяна Юрьевна.

С79 Колесница времени : [роман] / Татьяна Степанова. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-230876-5

Разве могла Катя Петровская, сотрудница пресс-службы ГУВД Московской области, представить себе, какие жуткие события впереди связаны с таким простым на первый взгляд убийством шофера из богатого дома на темной аллее у железнодорожной станции? Но в ОВД Прибрежный майор Лиля Белоручка не считала это дело простым, что-то ее настораживало. Два убийства, произошедшие не так давно в Москве. Казалось бы, никакой связи, кроме того, что все три жертвы были застрелены из пистолета «ТТ» и гильз на месте преступления так и не нашли. А когда выяснилось: убитый водитель работал у Жени Кочергиной, с которой Катя дружила в детстве, капитан Петровская решила помочь Лиле в расследовании. И вот уже Катя как бы случайно сталкивается с подругой детства, и та за чашкой чая приглашает ее на выходные в загородный особняк, где должна собраться вся семья. Но почему все члены семьи беззастенчиво врут о том последнем дне, когда был застрелен их шофер?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Степанова Т.Ю., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-230876-5

Глава 1

ЗИМНЕЕ ВРЕМЯ

Зимнее время...

Утро осеннего дня. За окном, как и ночью, — огни, огни, реклама.

Огромный город и пригороды не спят — как определить, «уже не спят» или «еще не спят»? Как определить?

Народ торопится на работу, штурмует автобусы и маршрутки, поток людей течет в метро — это утром. А вечером — та же картина: люди спешат с работы домой в темноте среди ярких огней большого города.

Порой так страстно и жадно ждешь утренней зари.

Но все какие-то сумерки — осень, осень с дождями и туманами.

А так нужен, физически нужен рассвет.

Хоть какое-то окно, хоть какая-то передышка.

Сумерки лишают воли и сил.

В сумерках клонит ко сну, но спать нельзя.

Нельзя же все время спать — из мрака ночи — в сумерки дня — и опять во мрак ночи!

Вставать на работу и мчаться домой с работы во тьме при ярком электрическом свете, в потоке машин, в нескончаемой пробке, под грохот поездов метро, под гудки электричек на подмосковных перронах...

Светлого времени суток совсем мало.

Осенний туман и дождь за окном. Даже в полдень мы включаем лампу, чтобы почитать что-то на досуге.

Что-то интересное почитать — про жизнь, про смерть, про страсть, про любовь, про одиночество, про быт, про связь времен и про борьбу света с тьмой.

Какую-нибудь интересную, захватывающую историю, полную тайн, интриг, неожиданных поворотов сюжета.

Такие истории из книг спасают от одиночества и тоски.

И повседневные дела и заботы тоже вроде как спасают.

Но порой мы садимся у окна, устав от окружающей нас темноты, и смотрим — туда, туда, вдаль.

Когда первые лучи окрасят облака в золотисто-розовый цвет.

Нежная заря — Аврора — улыбнется нам с прокисших осенних небес.

И вся эта невозможная хмарь, сумеречная жуть будет сметена свежим утренним ветром.

Каждое утро я просыпаюсь в надежде, что это произойдет.

Время в принципе ведь ничего не значит.

Это просто иллюзия.

У нас ведь у каждого свои собственные биологические часы внутри. И это — благо. Это наша индивидуальность.

Это наша личная внутренняя свобода.

Свобода, о которой мы все так мечтаем, хотя порой и не признаемся в этом сами себе. И не говорим этого вслух.

У времени ведь нет границ. И обозначить его «летним» или «зимним» можно лишь условно.

Все равно ведь рассветет. И солнце покажется из-за туч. И Аврора — заря — нежная и яркая, всегда новая, как в первый день творения, нам всем улыбнется.

Глава 2

ВЫСТРЕЛ

Крутить педали велосипеда — одно удовольствие. Легко, проворно. Только надо соблюдать осторожность, потому что путь пролегает по загородному шоссе к железнодорожной станции. И по шоссе то и дело свистят, громяхают, пронесаются, пролетают мимо авто.

Если держаться так, чтобы транспорт шел навстречу, то ничего, только вот фары машин глаза слепят. И вроде час еще не поздний, всего около девяти. Но это октябрь, точнее последние дни октября — темнеет рано и кругом так сыро и полно луж, потому что дождь минуту назад перестал и вот уже припустил снова.

Ехать на велосипеде под зонтом кто пробовал? Неудобно это, никуда зонт не приторочишь, поэтому — капюшон куртки на голову пониже, саму куртку застегнуть поплотнее, и нагнуться к рулю, и крутить педали.

Легко, свободно...

Мокнуть под этим осенним дождем.

Вообще-то, тепло на улице и воздух такой приторный немножко, влажный, насыщенный прелью листвы и бензином.

Скоро, совсем скоро с загородного шоссе откроется поворот на тихую аллею, по ней можно доехать до железнодорожных путей, а там и станция. И электрички долго не придется ждать. На этом перроне останавливаются все поезда, потому что это совсем рядом с Москвой, хоть уже и загород.

А вон там, подальше, еще один поворот с шоссе, там Москва-река и яхт-клуб. И вокруг фешенебельная зона — коттеджные поселки, бывшие старо-дачные места, застроенные особняками.

Очень приличное по городским меркам место: богатое, комфортное для проживания, экологически чистое.

Когда-нибудь и я поселюсь в таком месте...

Так думал парень двадцати двух лет, крутивший педали велосипеда, спешивший по загородному шоссе к станции, к электричке, что помчала бы его и верный велосипед с Москвы-реки в саму Москву, к метро, где поезд подхватил бы его в свою утробу и повлек в спальный район. Там парень снимал койку в двухкомнатной квартире, где, помимо него, жили еще пять человек.

Все приезжие. Каждый занимался своим делом в столице и в проблемы, чаяния и надежды других жильцов особо не вникал. Потому как постояльцы просыпались рано, уходили из квартиры, а возвращались кто как — кто вечером, кто ночью, а кто и вовсе через сутки, потому что таковы правила рабочей смены.

Фархад Велиханову, приехавшему в столицу из Уфы, — так звали велосипедиста — приходилось тоже вставать рано, а возвращаться когда как. Все дни он крутился как белка в колесе. Сейчас вот, например, работал. Точнее, подрабатывал водителем в богатой семье.

Но это все временно, это чтобы сколотить немного денег и где-то с середины ноября вновь вернуться к платному курсу обучения по специальности «Сценическая графика и компьютерный дизайн театральных постановок и шоу».

Фархад учился этой специальности уже два года в Москве, но все с перерывами, потому что надо было

деньги зарабатывать, платить за угол в квартире и за само обучение — ну и за еду, конечно.

Он старался не упустить никаких источников дохода, заработка. Так уж жизнь сложилась. Сегодня ты — бедный студент. Но кто знает, что произойдет завтра? Быть может, счастье улыбнется тебе во всю пасть...

Фархад крутил педали велосипеда и прикидывал в уме: если все сложится, то... этот семестр и следующий он просто проучится — спокойно и без особых проблем. Он получил ведь некие намеки и гарантии, что такое возможно.

Ради того, чтобы просто учиться и не дергаться по поводу работы, Фархад был готов на многое.

Некоторые парни с периферии смогли так вот устроиться. Чем он хуже?

Ничем. Он лучше, да, он лучше многих.

Недаром ведь его выбрала в водители Хозяйка.

Фархад вздохнул, закрыл на секунду глаза и...

Резкий сигнал — навстречу промчался внедорожник на огромной скорости, обрызгал его всего грязью.

Вот так, надо держать ухо востро, даже если едешь и не в час пик по загородному шоссе.

По соседней полосе медленно двигалась машина, Фархад не обращал на нее внимания. Вот она обогнала его. Красные габаритные огни впереди. Кажется, иномарка.

По шоссе с ревом неслась бетономешалка, а за ней шел, гремя и лязгая, тихоход-трактор. Строительная техника — куда-то в сторону новых земель, на новые уголья фешенебельной застройки.

Фархад свернул на узкую боковую аллею в сторону железнодорожной станции.

Тут всегда темно, потому что нет фонарей, но дорожное покрытие сносное и луж нет. Только вот дождь все

сильнее, сильнее. К ночи разойдется в настоящий осенний ливень.

Ну да ночью он, Фархад, уснет сном младенца на съемной койке под грохот телевизора за стеной.

Можно палить из пушки — его не разбудишь.

Уже не разбудишь никогда.

Можно палить из всех стволов...

Он уснет как праведник, как человек, много грешивший, несмотря на свой юный возраст, но чья совесть чиста, потому что он грешил ради дела, — так сказать, вносил инвестиции в свое будущее.

В богатый комфортабельный дом на берегу реки, и не там, в Уфе, где мать и две сестры, а...

Неожиданно он узрел перед собой лицо матери — она месила тесто для беляшей и улыбалась ему, вытирала пот со лба запачканной мукой рукой.

Мать улыбалась, а он, Фархад, внезапно ощутил, что теряет все точки опоры.

Педали велосипеда крутились сами собой, больше он их не чувствовал под ногами.

Он не слышал выстрела, прозвучавшего в ночи, потому что выстрел (который, кстати, не слышал никто на дороге) заглушил грохот строительной техники — бетономешалки и трактора.

Выстрел раздался в тот самый момент, когда Фархад думал о том, что «можно палить — его не разбудишь».

Велосипед звякнул и поехал в одну сторону, а тело Фархада — в противоположную.

Пуля попала ему под левую лопатку, в темноту ударил фонтан крови.

Велосипед съехал в кювет и опрокинулся.

Фархад упал ничком в мокрую колючую осеннюю траву.

Его пробитое сердце уже не билось.

Но еще пару секунд его глаза, нет, мозг — затухающий, как искра — видел мать. Она стряхивала муку с пальцев и бросала беляши, начиненные ливером, на раскаленную сковородку.

Глава 3

ОТЕЛЬ «МЭРИОТТ — АВРОРА»

На запруженной машинами Петровке напротив Столешникова переулка остановился мотоцикл «Харлей». Мотоциклист втиснул его в парковочную щель между «Ягуаром» и «Ауди» и неспешно направился к центральному входу отеля «Мэриотт — Аврора».

Центральный вход в отель как раз со стороны улицы, а вход в лобби-бар рядом с магазином «Кристиан Диор», что смотрит витринами в переулок.

В этот час раннего вечера — шесть всего на часах — уже смеркается, но улица Петровка полна народа. Яркие огни, сырой воздух последних дней октября.

Мотоциклист, затянутый в черную кожу, — высокий, стройный, широкоплечий — снял с головы шлем, пригладил светлые волосы рукой и прошел весьма уверенно сквозь вертящиеся стеклянные двери отеля, мимо швейцара в позументе и охранников с рацией.

Удивительно, но в гулком, роскошном, отделанном сияющим мрамором вестибюле отеля он оказался единственным гостем. В этот еще не поздний вечер конца октября огромный «Мэриотт» пуст и тих, как сказочный замок Фата-Морганы.

Но нет, где-то играет негромко музыка. Звуки арфы, невидимой глазу.

Мотоциклист быстро пересек холл, глянул на себя в зеркало мимоходом — молод, хорош собой, яркий

блондин с голубыми глазами. Только вот на скуле зажившая ссадина, а на нижней губе свежая рана кровоточит.

Коридорный в форме, скуцавший возле автомата для чистки обуви, окинул мотоциклиста оценивающим взглядом, но ничего не сказал. Этот парень... в общем, он порой заезжает в роскошный отель «Мэриотт» и тут его знают.

Мотоциклист поднялся по ступенькам мраморной лестницы, ведущей в ресторан под куполом.

Это и ресторан, и зимний сад. Это гордость и краса отеля. Именно тут играет невидимая глазу арфа по вечерам. Столики, покрытые крахмальными белыми скатертями, все сплошь свободны. Нет ни одного гостя в ресторане. А над головой, высоко, далеко, как хрустальное небо, — прозрачный великолепный купол.

А если повернуть голову налево и глянуть вверх, там галерея — зимний сад. Много зелени — сплошные тропики, и там такие уютные диваны, и кресла, и еще...

Там иногда мелькает Призрак Оперы... Да, да, помните того кудесника — ведущего с телеканала «Культура», — всегда в смокинге, всегда с улыбкой, интеллигент и великий знаток прекрасного, он знал о мире музыки и мире оперы все. Именно там, в галерее под куполом в отеле «Мэриотт — Аврора», он устраивал встречи со своими гостями, среди них — мировые знаменитости: певцы, музыканты, дирижеры, критики, композиторы.

Кудесник в смокинге умер так неожиданно, скоропостижно, что в это трудно было поверить всем. Даже этому вот молодому мотоциклисту — блондину с разбитой губой.

Но порой, если приглядеться, надравшись в баре отеля, то можно еще увидеть... Да, тень... тот образ... Призрака Оперы с прошедших времен, которые никогда уже не вернутся, потому что смерть...

Да, смерть сильна...

Однако блондин с атлетическими плечами и тонкой талией, затянутый в кожу, словно в средневековые рыцарские латы, не собирался сейчас здесь, в пятизвездочном отеле «Мэриотт — Аврора», думать о смерти. И что-то там вспоминать, и кого-то там жалеть.

Он просто скучающим взором оглядел пустой роскошный ресторан, лишенный посетителей, несмотря на то что сезон вроде бы и начался уже.

Он не увидел в ресторане ту, которую хотел здесь встретить.

К нему сразу же с вежливой улыбкой на лице обратилась хостес, но он покачал головой — нет, спасибо, меню знаю наизусть, а вот выпить предпочту в лобби-баре.

Он легко спустился по мраморной лестнице, еще раз оглянулся на зеленую галерею... звуки арфы — и только. И никаких привидений с телеэкрана...

В великолепном лобби, отделанном светлыми дубовыми панелями, — тоже небольшой ресторан.

И вот тут мотоциклист увидел ее.

Она сидела за столиком в полном одиночестве. На скатерти перед ней сервирован чай в лучших традициях английских отелей — белый фарфор чайника и чашек и тарелка с десертом.

Она была в платье из кашемира вишневого цвета и высоких замшевых сапогах.

Она тоже блондинка. И даже весьма миловидная, хотя немножко усталая.

Он, пожалуй, был ярче, красивее. Да и выше ее на целую голову.

Его звали Данила. А ее звали Евгения. И вот уже несколько лет они носили разные фамилии, потому что она, его младшая сестра, вышла замуж.

Евгения Савина — Женя, как ее звали все домашние — поднесла к накрашенным розовой помадой губам чашку чая и увидела Данилу Кочергина, своего брата.

Он направился к ее столику и сел напротив, улыбаясь, явно довольный встречей.

— Привет.

— Привет. — Женя отпила глоток чая. — Только что о тебе подумала.

— Правда, сестренка? — Он встал и отошел к стойке бара.

Бармен не стал даже спрашивать у него заказ: все как всегда — скотч.

Со стаканом виски Данила вернулся за столик к сестре.

— Я знал, что ты тут сегодня, — сказал он.

— Мог бы и позвонить.

— Некогда. Ты же знаешь, у меня строгий учитель латыни.

Латынь и переводы с нее — вот уже год как Данила брал у профессора МГУ уроки по этому предмету. В свое время он два года проучился на классическом отделении филфака университета, но потом учебу забросил. А вот теперь возобновил уроки латыни и литературы в частном порядке. Его сестра относилась к этому спокойно, в отличие от других членов их семьи. Ее тревожило другое.

— Только не ври мне, — сказала она.

— Да я не вру, я прямо с урока.

— Ага, только вот весь рот разбит.

— Это мелочи. — Он отпил виски и поморщился. — Ах, черт, правда щиплет.

— А в тот раз дали в глаз. Слушай, я не понимаю...

— Все ты понимаешь, сестренка.

— Нет, я не понимаю. Ну тот ужас с автомобильными гонками... Я на коленях тебя умоляла прекратить это.

И ты, кажется, внял. Понял, как я боюсь... Понял, что я маму каждый раз вспоминаю. Ты прекратил. А теперь вот этот твой бокс.

— Да это просто спорт. Для здоровья, — усмехнулся Данила.

— Это подпольные договорные матчи на деньги. Тебя там покалечат.

— Я сам кого хочешь покалечу.

— Тебя там покалечат! — Женя повысила голос. — Данила, ну я прошу тебя.

— Ну хорошо, хорошо. Сегодня была только тренировка. А потом я поехал читать Катуллу и Авсония с профессором. «До чего все забавно получилось — тут мальчишка с девчонкой забавлялся...»

Женя пододвинула к себе десерт.

— Стишки переводишь для тети специально? — спросила она.

— Угу. — Он кивнул. Допил виски и снова отошел к стойке бара — повторить. И опять вернулся, сел, вытянул ноги в тяжелых «берцах».

— Тетю хватит удар, — сказала Женя.

— Не хватит. — Он улыбался. — Тетя у нас здоровая как лошадь. Ладно, когда станет нам совсем невмоготу, то выручит нас старая добрая латынь и римская классика. Ты тут Генку ждешь?

— Да, я ему отправила эсэмэску. У них в департаменте совещание, но он приедет. Скоро.

— Муж за женой как нитка за иглой, — усмехнулся Данила, — жаль, что ты теперь без машины осталась.

— Ничего. Я пока такси обхожусь.

— Поехали домой со мной.

— На мотоцикле? Да ты напился уже.

— Ничего я не напился. Pisces natare oportet... Рыба посуху не ходит, сестренка.

— Ты же знаешь, что я всего этого страшусь. Что ты едешь пьяный, что ты гоняешь на бешеной скорости. Выходишь на ринг на этих подпольных матчах, как будто ты в деньгах нуждаешься!

— Зато муж Генка у тебя тихий, ответственный товарищ, — усмехнулся Данила. — Служит вон в департаменте.

— Я и за Генку тоже тревожусь.

— Ну у тебя планида такая — за всех переживать. — Данила пил свой виски. — Ты вот тут в лобби «Авроры» сидишь и от всех прячешься. Что я, тебя не знаю, что ли?

— Тут хорошо. — Женя вздохнула. — Я здесь покойно себя чувствую. Тут какая-то стабильность во всем.

— Ну да, и ни души во всем «Мэриотте». Никто к нам не приезжает. Никому мы не нужны стали. — Данила указал глазами на тарелку с десертом: — Мильфей все такой же потрясный?

— Да, мильфей очень вкусный. Закажи себе что-нибудь. Нельзя же просто пить на голодный желудок.

— Салат «Цезарь» с их фирменным соусом все еще в меню? Или даже здесь уже нет голландского салата?

— Закажи шницель по-венски. Тут это фирменное блюдо.

Данила сидел неподвижно. И его сестра сама позвала официанта и сама заказала для брата шницель по-венски.

— Странно ощущать покой и стабильность в совершенно пустом отеле, — сказал Данила, — но так уж ты устроена, сестренка. *Nunc est bibendum...* Как говаривал старикан Гораций, — теперь пируем, точнее пьянствуем.

— Поешь горячего, — посоветовала ему на это Женя, — и потом закажи крепкого чая. Вымой хмель из башки.

— Ладно. — Данила улыбался официанту, ставящему перед ним блюдо с венским шницелем и корзиночку с фирменными дарами отеля — булочками и ароматизированным маслом. — А Генка скоро придет за тобой?

— Я же говорю, у него совещание. Не раньше восьми, наверное.

— Сейчас только шесть. Так и будешь тут бдиль на своем посту?

— Это не пост. Это мой вечерний чай. Традиционный чай в отеле «Мэриотт», — ответила Женя. — Ой, у тебя губа кровоточит!

Она взяла крахмальную салфетку и, протянув руку через стол, приложила ее к губам брата.

Данила выпрямился. Потом забрал салфетку из рук сестры. Промокнул разбитую на боксе губу. А затем взял руку сестры и поцеловал.

Музыка арфы внезапно умолкла.

Глава 4

«УТРО СТРЕЛЕЦКОЙ КАЗНИ»

В просторном офисе, расположенном на втором этаже гостиницы «Москва», ярко горели все лампы. Окно офиса с опущенными жалюзи смотрело прямо на центральный подъезд Государственной думы.

Даже в летние солнечные дни в офисе при выключенном освещении всегда царил полумрак, потому что огромное здание отеля «Москва» отбрасывало тень именно сюда, в сторону метро «Театральная», и тут, как в глубоком ущелье между двумя монолитами зданий, господствовал постоянный сквозняк-ветродуй.

Мимо, мимо от Манежа к Лубянке проносились сотни автомобилей. А тротуары под окнами отеля всегда

пустовали. Пешеходов и туристов влекли Тверская, Дмитровка, сквер перед Большим театром, Петровка, а сюда никто не ходил. Тут лишь останавливались дорогие лимузины тех, кто арендовал офисы в отеле «Москва».

Под образами в кожаном кресле за огромным письменным столом, лишенным какой-либо компьютерной техники, но заваленном папками с бумагами и почтовой корреспонденцией, переданной из секретариата на ознакомление, восседала Раиса Павловна Лопырева.

Ей исполнилось пятьдесят семь, а выглядела она на пятьдесят восемь — крепкая, ширококостная, однако не полная, с не очень хорошим цветом лица и тусклой пористой кожей.

Волосы она красила в рыжий цвет. Прежде она каждое утро заезжала в салон красоты и делала укладку у парикмахера. Но с некоторых пор утренние поездки в салон стали ее утомлять. Она сделала очень короткую стрижку и покрасила волосы в рыжий цвет. Это не помогло ей омолодиться, как она просила парикмахера, однако словно добавило еще больше уверенности.

Раиса Павловна не пользовалась косметикой и духами. Светлые брови свои и ресницы она не красила. Изредка баловалась неяркой помадой цвета кармина. Она одевалась в строгие деловые костюмы. Сейчас вот была в новом, песочного цвета, от Марины Ринальди. Вокруг увядшей шеи — жемчужное колье, единственная вольность стиля. Да на пальце — обручальное кольцо.

Напротив нее, по другую сторону стола, тоже в кожаном кресле для посетителей, сидел мужчина в синем дорогом костюме и белой рубашке без галстука.

Широкоплечий брюнет лет тридцати пяти с модной стрижкой, благоухающий безумно дорогим парфюмом и с гордостью носивший упомогачительные мужские

лоферы из кожи игуаны. На запястье его поблескивал золотой «Ролекс».

Он изучал какой-то документ под пристальным вниманием молчавшей Раисы Павловны.

Прочитал, а потом изрек:

— Кляуза.

— Вы все прочитали? До конца? — спросила Раиса Павловна Лопырева.

— Это несерьезно.

— Герман, это, на мой взгляд, очень серьезно.

Мужчину в лоферах из кожи игуаны звали Герман Дорф. У него на все имелось свое личное мнение. И часто это мнение отличалось от взглядов Раисы Павловны. Но она это Герману Дорфу прощала, потому что нуждалась в его деловых советах.

— Тут идет речь о картине Сурикова «Утро стрелецкой казни», — хмыкнул Герман.

— Вот именно, о картине из Третьяковской галереи. И к нам поступил сигнал общественности.

— Кляуза, — снова хмыкнул Герман.

— Сигнал. — Лопырева подняла вверх указательный палец. — К тому же один из моих внештатных помощников оказался тому свидетелем. Я не знаю, что там проводилось — урок прекрасного среди учащихся старших классов или просто экскурсия в Третьяковку. Но представьте такую картину: около «Утра стрелецкой казни» собралась толпа школьников — им всем уже по пятнадцать-шестнадцать, это будущие студенты, уже своей головой начинают думать. И вот учитель или экскурсовод начинает распространяться насчет этого самого полотна. Вы помните саму картину Сурикова?

— Помню. Стрельцы после неудавшегося бунта... Лобное место на фоне Василия Блаженного, казнь вот-вот начнется. Царь Петр мрачный, как демон, смотрит

со стороны на свой народ. Вот-вот вешать начнут или головы рубить, только там это не нарисовано.

— Там это не нарисовано, — подтвердила Лопырева, — а вот учитель или экскурсовод перед школьниками начинает эту тему развивать. Подавление, мол, инакомыслия... Петровская элита по приказу царя должна быть повязана кровью, круговой поручкой. Экскурсовод пассажи из романа «Петр Первый» начал цитировать: мол, как царь заставлял своих любимцев — а ведь все это прогрессивные, положительные персонажи российской истории, от Меншикова до генерал-фельдмаршала Головина, — самолично брать в руки топор и сечь стрельцам головы на плахе. И опять — про подавление инакомыслия, про репрессии.

— Но ведь это все история, правда.

— Да зачем школьникам, будущим студентам об этом говорить? — повысила голос Лопырева. — Зачем акцентировать на этом внимание сейчас? Что, других картин в Третьяковке, что ли, нет? Зачем собирать вокруг этой картины экскурсию и начинать будировать совершенно ненужные вопросы? Подавление инакомыслия... Это не вопросы средней школы! Я считаю, нам надо на это среагировать.

— На что? — спросил Герман. — На художника Сурикова, жившего в девятнадцатом веке, или на позицию школьного учителя, экскурсовода? По поводу Сурикова скажу: его потомки до сих пор здравствуют — и они сильны и могущественны. Вы рискуете нарваться на неприятности. Вообще, все это несерьезно и не ко времени.

— Нет, как раз это очень ко времени, — возразила Лопырева, — и наш инициативный комитет хотел бы заняться...